

Ivan Yefremov and China

Иван Ефремов и Китай

**Сергеев Сергей Алексеевич¹,
Сергеева Зульфия Харисовна²**

¹Казанский федеральный университет,
Казань, Россия

²Казанский национальный исследовательский
технологический университет, Казань, Россия

Автор, ответственный за переписку:

SA Sergeev@kpfu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3654-8153>

**Sergey A. Sergeev¹,
Zulfiya Kh. Sergeeva²**

¹Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia

²Kazan National Research Technological University,
Kazan, Russia

Corresponding author:

SA Sergeev@kpfu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3654-8153>

УДК 930.85+82.3 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2025-144-161](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-144-161)

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется место, которое занимает Китай в творчестве Ивана Антоновича Ефремова (1908 – 1972), советского российского ученого-палеонтолога, автора научно-фантастических и исторических романов и рассказов. Актуальность статьи определяется тем, что роль и место Китая в творчестве И. А. Ефремова ранее не рассматривалась. Ключевыми источниками являются романы и повести И. А. Ефремова, его переписка, а также опубликованные архивные материалы. Отношение И.А. Ефремова к Китаю, населению Китая, достижениям китайской цивилизации было сложным и неоднозначным. Наряду с восхищением культурными и научными достижениями Китая соседствует критическое отношение

ABSTRACT

The article analyzes the place that China occupies in the works of Ivan Antonovich Yefremov (1908 – 1972), a Soviet Russian paleontologist, author of science fiction and historical novels and short stories. The relevance of the article is determined by the fact that the role and place of China in the works of I. A. Yefremov has not been previously considered. The key sources are the novels and stories of I. A. Yefremov, his correspondence, as well as published archival materials. I. A. Yefremov's attitude to China, the population of China, the achievements of Chinese civilization were complex and ambiguous. Along with admiration for the cultural and scientific achievements of China, there is a critical attitude towards the authori-

к авторитарным методам управления и манипулирования массами. Китайский колорит, в который окрашен мир планеты Торманс в научно-фантастическом романе «Час Быка», выполняет несколько задач: помогает обходить советскую цензуру, а также обращает внимание на общие авторитарные в развитии индустриальных обществ. Амбивалентность образа Китая ярко проявилась и в последнем романе А. И. Ефремова «Таис Афинская».

Ключевые слова: Иван Ефремов, Китай, советская литература, научная фантастика, цензура

Для цитирования: Сергеев С.А., Сергеева З.Х. Иван Ефремов и Китай. *Современные востоковедческие исследования*. 2025; Том 7 (4). С. 144-153 <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-144-161>

В творчестве Ивана Антоновича Ефремова (1908 – 1972), советского российского ученого-палеонтолога, автора научно-фантастических и исторических романов и рассказов, Китай занимал не первое, но и не последнее место. Для творческого воображения И. Ефремова были особенно важны три страны: античная Греция, воплощавшая его эстетический идеал, Индия, философско-религиозные учения которой в значительной мере определяли мировоззренческие «рамки» мира Ефремова как писателя и мыслителя — даже собственное посмертие он мыслил в индуистских терминах (Переписка... 2016, 635), и Россия как родина писателя и ученого.

Однако писательский и исследовательский интерес И. Ефремова не ограничивался

tarian methods of management and manipulation of the masses. The Chinese flavor, which paints the world of the planet Tormance in the science fiction novel «The Bull's Hour», performs several tasks: it helps to bypass Soviet censorship, and also draws attention to the general authoritarian tendencies in the development of industrial societies. The ambivalence of the image of China is clearly manifested in the last novel by A. I. Yefremov «Thais of Athens».

Keywords: Ivan Yefremov, China, Soviet literature, science fiction, censorship

For citation: Sergeev S. A., Sergeeva Z. Kh. Ivan Yefremov and China. *Modern Oriental Studies*. 2025; 7 (4). P. 144-153 (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2025-144-161>

тремя странами, названными выше: его интересовала и Африка, романтически воспринимаемая как «страна первобытности, кусок древнего мира... среди нашей цивилизации» (Переписка..., 2016, 421), и Египет как родина магии и оккультизма, и Монголия, где он неоднократно был в палеонтологических экспедициях, и Тибет, и Китай. Сложное и неоднозначное отношение И. Ефремова к Китаю, выраженное им в своих произведениях и путевых заметках, рассмотрим ниже.

В повестях и романах И. Ефремова конца 1940-х – 1950-х гг. Китай и действующие лица, носящие китайские имена, упоминаются лишь вскользь — как, впрочем, и в научно-фантастических произведениях других советских

писателей того времени. В «Звездных кораблях» (1947) повествование начинается с того, что советские ученые получают посылку, отправленную китайским палеонтологом Тао Ли (Ефремов, 1953, 30-31). В «Туманности Андромеды» главные герои, путешествуя по степи, встречают лагерь экспедиции, возглавляемой Ляо Ляном — палеонтологом, «раскрывшим загадку заселения Азиатского материка в палеозойской эре» (Ефремов, 1959, 122). Как можно видеть, двух эпизодических персонажей, китайцев по происхождению, И. Ефремов сделал своими коллегами-палеонтологами.

Отметим также, что в последующих переизданиях «Звездных кораблей» и «Туманности Андромеды» (Ефремов, 1965, 62, 227) И. Ефремов не стал изменять национальность своих героев, хотя в советской издательской практике 1960-х – 1970-х гг. это было частым явлением. Так, из повести А. и Б. Стругацких «Страна багровых туч», вышедшей двумя изданиями в 1959 и 1960 гг., при переиздании в 1969 г. по требованию редакции были удалены или заменены все китайские имена и названия. Планетолет «Хиус» теперь создавали «советские и английские мастера безгравитационного лета», а не «советские и китайские», китайская народная мудрость «Когда носорог глядит на луну, он напрасно тратит цветы своей селезенки» стала вьетнамской, а командир звездолета «Янцзы» Лу Ши-эр был переименован в командира индийского звездолета «Карма» Рая Листа. Впрочем, в радиобеседе с терпящим бедствие англичанином Рай Лист по-прежнему спрашивал, говорит ли тот по-китайски (Неизвестные Стругацкие, 2005, 142). На прав-

ках настаивала редакция издательства «Детская литература», но требование исходило от Главлита (Стругацкий А., Стругацкий Б., 2018, 690-692). Аналогичные изменения произошли и при переиздании повести А. и Б. Стругацких «Путь на Амальтею» (Неизвестные Стругацкие, 2005, 272).

Осенью 1958 г. И. Ефремов в составе делегации Палеонтологического института АН СССР посетил Китайскую Народную Республику. Делегация в составе четырех человек — директора института Ю. Орлова, зам. директора Е. Малеева, начальника советской части советско-китайской палеонтологической экспедиции А. Рождественского и самого И. Ефремова как научного консультанта экспедиции — посетила Пекин, Циндао, Нанкин, Шанхай и Ханьчжоу, институт палеонтологии в Пекине, а также второй институт палеонтологии, геологический музей и астрономическую обсерваторию в Нанкине. Программа предусматривала и осмотр достопримечательностей — Великой Стены, летнего императорского дворца в Пекине и др.

Путевые заметки, которые делал И. Ефремов в своей записной книжке в ходе поездки, находятся в архиве Российской академии наук и частично опубликованы Н. В. Бойко (Бойко, 2024). Эти записи лаконичны, но не носят строго делового характера. И. Ефремов фиксирует свои впечатления от парков и садов с реликтовыми деревьями, храмов и статуй, являющих порой «эффектное и странное зрелище» (Бойко, 2024, 210). Увиденное нередко характеризуется эмоциональными эпитетами: гробницы минских императоров — «чудовищные» (по своим

размерам), скелеты динозавров — «замечательные» и «невероятные», озеро — «изумительной красоты». Не упустил И. Ефремов из виду и картины социальной жизни Китая конца 1950-х гг.: «битва за сталь» периода «большого скачка», которую как раз застала делегация советских ученых, названа «фантастическим зрелищем плохой работы»: «громовой ор радио и повсюду на всех дорогах тачки, тачки и тачки» (Бойко, 2024, 198). Наряду с сухой констатацией фактов он фиксирует и возникающие у него ассоциации, преимущественно литературного характера: «гигантский город» (Шанхай) он сравнивает с муравейником, башню на берегу Янцзы — с боевым треножником марсиан (Бойко, 2024, 203), а площадки с башенками в Храме Лазурных Облаков, откуда открывается «грандиозный вид на всю пекинскую равнину» — с мостиком межпланетного корабля (Бойко, 2024, 210).

Поездка в КНР произвела на И. Ефремова неоднозначное впечатление. О. Еремина и Н. Смирнов в биографии И. Ефремова отметили неприятный осадок, оставшийся у писателя после лекции по палеонтологии в Пекинском университете: «за партами сидели студенты в абсолютно одинаковых костюмах, с одинаково причесанными черными волосами и — как показалось Ефремову — с одинаковыми лицами. Что-то безжалостное, почти механическое почудилось ему в этих рядах однородных людей» (Еремина, Смирнов, 2013, 389). Этот эпизод, скорее всего, описан со слов родственников Ефремова — вдовы или сына — и мог быть вызван эмоциональным и физическим упадком сил после поездки: из-за обострения стенокар-

дии он почти полтора месяца провел в постели, а потом два месяца провел в санатории (Еремина, Смирнов, 2013, 390). Но множество превосходных эпитетов, которыми И. Ефремов использовал в своих записях о путешествии в Китай, заставляют усомниться в том, что его впечатления от Китая носили исключительно негативный характер.

Поездка в Китай породила у И. Ефремова желание написать рассказ под названием «Высокий перекресток». И. Ефремов списался с одним из переводчиков, сопровождавших советскую делегацию (его имя транслитерируется как Тай Пый или, возможно, Гай Пый) (Бойко, 2024, 212), попросив его перевести на китайский имя героя задуманного рассказа, название храма и кораблей (Переписка..., 2016, 370-372). Рассказ так и не был написан, но, насколько можно судить по сохранившимся подготовительным материалам, его действие должно было происходить в Китае, древнем или современном, и быть так или иначе связано с работой механизма человеческой памяти, о котором И. Ефремов писал в рассказе «Эллинский секрет» и романе «Лезвие бритвы» (Еремина, Смирнов, 2013, 390).

В романе «Лезвие бритвы», написанном в начале 1960-х гг., упоминаний Китая почти нет, не считая упоминания китайского дракона — украшения на платье одной из героинь (Ефремов, 1988, 301) и реплики главного героя о китайском цветочном чае люй-ча (Ефремов, 1988, 558), с которым И. Ефремов, вероятно, познакомился в Китае. Хотя часть действия романа происходит в Тибете, это так называемый Малый Тибет, или Ладакх (Ефремов, 1988, 338-

340), принадлежащий Индии; во время написании романа он был частью индийского штата Джамму и Кашмир, а с 2019 г. является одной из союзных территорий Индии.

Совсем иную картину мы видим в романе «Час Быка». Рассказывая о визите земного звездолета «Темное пламя» на планету Торманс, населенную выходцами с Земли, И. Ефремов не просто намекает, но порой даже подчеркивает китайские черты в культуре и образе жизни обитателей Торманса. Тормансианский язык описывается И. Ефремовым как похожий «на древние языки Земли с удивительной смесью слов Восточной Азии и... английского языка»; подобно китайскому, он является тоновым языком, т.е. значение слова зависит от тона — контура высоты голоса или «высоты звука» (Ефремов, 1970, 60). Письменность Торманса не являлась чисто фонетической, а «представляла собой систему сложных знаков — идеограмм», сложные изображения которых «казались изящными абстрактными рисунками». В то же время «существовал упрощенный набор письменных знаков, каким обходились в повседневной жизни и облегченном языке печатных новостей» (Ефремов, 1970, 63). В этом описании также нетрудно узнать иероглифическую письменность, используемую в Китае.

Язык и письменность — главные признаки, указывающие на связь ефремовского Торманса с Китаем. Есть и более мелкие детали, хотя их немного. Гостиница «Лазурное Облако» в «Часе Быка» (Ефремов, 1970, 384), возможно, обязана своим названием Храму Лазурных Об-

лаков, который посетил И. Ефремов в Пекине (Бойко, 2024, 209).

При посещении астрономической обсерватории в Нанкине И. Ефремов обратил внимание на бронзовый небесный глобус I в. н.э., на который были нанесены созвездия в том числе и южного полушария (Бойко, 2024, 202). Вероятно, именно это впечатление позже трансформировалось в картину тормансианской библиотеки в Институте Общественного Устройства с рядом небесных глобусов и цветных карт с изображениями других миров в таких подробностях, которые могли дать только «передачи Великого Кольца» (Ефремов, 1970, 182).

Эпиграф к роману «Час Быка», первоначально, в журнальной публикации «Техники — молодежи» отсылавший к тибетским легендам о бодисатве и его ученике, который должен передать свое знание о прошлом и будущем, используя несколько уровней смысла (Ефремов, 1968, 8), уже в журнальной публикации «Молодой гвардии» и в книжной публикации заменен на более краткую и однозначную цитату из китайско-русского словаря епископа Иннокентия (Ефремов, 1970, 10), приобретающую, с учетом содержания романа, дополнительный трагический смысл. Заменой эпиграфа автор еще раз привлекал внимание к Китаю и уходил от откровенного намека на существование у романа подтекст или подтекстов.

Имена тормансиан, придуманные И. Ефремовым, имеют мало общего с китайскими именами. Да, они могут быть двусложными или трехсложными, как в Китае, но этим сходство, пожалуй, и исчерпывается. По замыслу И. Ефремова,

двух- или трехсложность имени является прямым указанием на социальный статус: «двуименные составляли высшие классы общества планеты» (Ефремов, 1970, 74), трехсложные имена носили обычные тормансиане. Если обратиться к именам высших руководителей Торманса, то они сконструированы, по видимому, следующим образом: одно из имен так или иначе должно вызывать ассоциации с одной из восточных культур, другое — с одной из западных. Первая часть имени владыки Торманса Чойо Чагаса, скорее всего, представляет слегка видоизмененное название одной из гор Непала Чо-Ойю, означающее на тибетском «богиня бирюзы» или «голова бога» (Тихи, 1960), в качестве второй взята фамилия бразильского врача К. Чагаса (также транслитерируется кириллицей как «Шагас»), описавшего тропическую болезнь, названную его фамилией. Трем другим владыкам Торманса — Гентло Ши, Кандо Лелуфу, Зетрино Умрогу — Ефремов также дал явно не китайские имена; одни из них напоминают Западную или Южную Европу, Францию (Лелуф) или Италию (Зетрино), другие — Дальний Восток, Японию и Корею или же Центральную Европу (Кандо — венгерская фамилия, а также корейское название одной из местностей в Северо-Восточном Китае и реки в Японии). Подобная неопределенность, когда одно имя могло воспринимать и как английское, и как китайское, другое — не то венгерское, не то японское, была, по всей видимости, сознательным приемом Ефремова, создававшим, с одной стороны, эффект дистанцирования, с другой же — пробуждавшим ассоциативные связи читателя.

И. Ефремов писал «Час Быка» в те годы, когда в КНР происходила «культурная революция». Но, хотя сцен насилия в романе немало, эксцессов, характерных для «культурной революции», среди них нет. Да, Ефремов изображает, как компания хулиганов избивает на улице «знаменитого писателя». Но это — спонтанная выходка, а не часть кампании, организованной сверху. Позиция автора по отношению к этому инциденту, кстати, двусмысленна: хотя он устами врача Звездного Флота Земли Эвизы Танет резко осуждает расправу, ребята с улицы тоже не так просты, как это может показаться, и отстаивают свою «сермяжную правду»: «эти проклятые писатели-холуи выдумывают небылицы о нашей жизни, перевирают историю, доказывая величие и мудрость тех, кто разрешает им жить подольше и хорошо платит» (Ефремов, 1970, 309).

Общество Торманса, как его описывает И. Ефремов — это общество «остывшее» и апатичное, напоминающее в этом отношении СССР в послевоенные десятилетия, а не общество, охваченное революционной лихорадкой. В тех случаях, когда необходимо показать «негодование» народа — его изображают специально подобранные «группы людей, которые высказываются абсолютно одинаково, с наигранным рвением» (Ефремов, 1970, 81). «Культурная революция» упоминается в романе — но как негативный опыт прошлого: когда Чойо Чагас говорит о том, что держит интеллигенцию Торманса («своих ученых слуг») в страхе, что бросит на них массу простонародья, руководитель земной экспедиции Фай Родис отвечает ему, что «такая память уже осталась... на Земле после

китайского лжесоциализма» (Ефремов, 1970, 281).

Примечательно, что отсылка к Китаю в данном случае отвлекает внимание от того обстоятельства, что страх перед толпой в 1960-е гг. испытывала оппозиционно настроенная советская интеллигенция. Карл Проффер, глава издательства «Ардис», в 1969 г. посетивший вдову поэта Осипа Мандельштама — Надежду Мандельштам, заметил, что «она боялась народа», поскольку считала, что «если будет дан нужный сигнал, в людях снова проснется кровожадность и любой прохожий будет способен уничтожить ее и ей подобных — евреев и интеллигентов» (Проффер, 2017, 40-41). Ранее, в 1962 г. художник и писатель Ю. Даниэль опубликовал за рубежом (под псевдонимом Николай Аржак) фантастическую повесть «Говорит Москва», сюжет которой разворачивается вокруг объявленного указом Верховного Совета СССР «Дня открытых убийств», в течение которого каждый гражданин СССР может безнаказанно убить другого человека (Даниэль, 2009, 23-56). Сам И. Ефремов, необходимо отметить, подобной демофобии не разделял.

Обычной практикой для Торманса является присвоение имен руководителей различным учреждениям: «У нас любой институт, театр, завод может быть назван именем великих, которые не имеют никакого отношения ни к науке, ни к искусству, вообще ни к чему, кроме власти» (Ефремов, 1970, 337). Гротескный характер приобретают переименования, когда новое имя в честь жены владыки получает вся планета (Ефремов, 1970, 139). В КНР, в отличие от СССР и стран Восточной Европы, подобной практики не существовало: ни один город не

был назван — или переименован — в честь руководителей КНР. В разгар «культурной революции», во второй половине 1966 г., некоторым улицам, магазинам, больницам могли даваться новые, «революционные» названия, например, ресторан «Москва» в Пекине был переименован в «антиревизионистскую столовую», а улица, ведущая к советскому посольству — в «Улицу борьбы против ревизионизма» (История Китая, 2017, 385). В Тяньцзине были переименованы 40 тысяч магазинов, а учащиеся средних школ Пекина предложили назвать свой город «Алеет Восток» — Дунфанхун (История Китая, 2017, 383). Подобная практика носила чрезвычайный характер и была недолгой. В СССР же практика переименований населенных пунктов в честь руководителей государства (восходившая к имперской традиции) приобрела систематический характер уже в 1920-е гг. и продолжалась около шести десятилетий, до 1980-х гг. При этом уже во второй половине 1960-х гг. недовольство подобной практикой могло порой выплескиваться в публичное пространство (Фирсов, 2008, 437-440).

Один из топонимов, упомянутый в «Часе Быка» — сады Цоам, названные по имени «величайшего гения Цоама» (Ефремов, 1970, 82) — иногда объявляются неполной анаграммой имени Мао Цзэдун (Константинов, б.г.). Возможно, замысел И. Ефремова действительно был таков, и в своем художественном творчестве он использовал анаграммы, шифруя собственную фамилию (Сергеев, 2019, 69-70). Впрочем, слишком простые анаграммы с очевидной расшифровкой Ефремову не нравились (Стругацкий, 2003, 112). Но топоним «Цоам»

может иметь иное происхождение, не имеющее отношения к Китаю. И. Ефремов мог вдохновляться «Аэлитой» А.Н. Толстого: «Иди к великому гейзеру Соам и омойся», — говорит герой первого рассказа Аэлиты (Толстой, 1958, 600).

Некоторые черты общественной жизни Торманса, такие, как неумеренная и нездоровая экзальтация вокруг каждого из высказываний членов высшего руководства — Совета Четырех, которые «восхвалялись как высшая государственная мудрость» (Ефремов, 1970, 74) или агрессивный дискурс речей официальных пропагандистов, переходящий в ругань и оскорбления (Ефремов, 1970, 79-80), «идиотские критические замечания, поношения, шельмование людей на производстве или в сферах искусства и науки пронизывали всю жизнь планеты» (Ефремов, 1970, 291), вызывают ассоциации как со сталинским и послесталинским Советским Союзом, так и с КНР при Мао Цзэдуне.

Но преобладают в тексте романа аллюзии и намеки на советские политические и общественные практики. Это тотальная этатизация: государство стоит над народом Торманса «как недобрая и всемогущая сила» (Ефремов, 1970, 271). Репрессии и террор являются частью повседневной жизни и одним из основных способов управления: «Гребенка террора время от времени прочесывала массы “джи”, сановников — “змееносцев”, ученых и “глаз владыки”, оставляя неизгладимый ужас» (Ефремов, 1970, 285). При этом периоды относительной либерализации и ужесточения политического режима чередуются, подобно маятнику, хотя мелкие изменения системы управления ничего не ме-

няют по сути (Ефремов, 1970, 343).

Гуманитарные и социальные науки скованы в своем развитии, изучать «так называемые запретные периоды истории» запрещено, статистика засекречена (Ефремов, 1970, 143). Существует суровая цензура, тотальный контроль над распространением любой информации: «В каждом Доме Зрелищ, на телевидении, радио у них сидят «глаза владыки». Они вправе остановить любое зрелище, выключить всю сеть, если кто-нибудь попытается передать неразрешенное. ... У «глаз владыки» есть список, что можно исполнять и чего нельзя...» (Ефремов, 1970, 354).

Следствием тотального контроля стала деградация культурной жизни, литературы и искусства, по большей части бездарных и служащих прославлению власти, при этом «все ужасное, кровь и страдания, должны относиться к прошлому... настоящее принято изображать спокойным и невероятно счастливым царством под мудрой властью владык» (Ефремов, 1970, 378).

Однако нельзя назвать Торманс исключительно слепком сталинского СССР. К чертам, типичным для 1930-х – 1950-х гг., И. Ефремов добавляет некоторые «оттепельные» реалии. Астронавигатора «Темного пламени» Вира Норина (вероятно, alter ego автора) приглашают в «мастерскую» медико-биологического института: так называются вечерние собрания научных сотрудников, на которых они проводят дискуссии или развлекаются. Непринужденность и смелость дискуссий первоначально удивили землянина (Ефремов, 1970, 376). Эта

«мастерская» живо напоминает споры «физиков и лириков» начала 1960-х гг. или дискуссионные клубы 1960-х гг. в академических учреждениях, в частности, клуб «Под интегралом» новосибирского Академгородка (1963–1968), бывший одним из символов «оттепели».

Особенности городского планирования, отличающегося «удручающим однообразием домов, школ... мест развлечений и больниц, которое характерно было для поспешного и небрежного строительства эпохи «взрыва» населения», а также сдавливавшем «грохочущий транспорт в узких каналобразных улицах» (Ефремов, 1970, 211), также с определенностью указывают на СССР 1960-х гг.

На время «оттепели» указывает и такая деталь, как борода одного из тормансианских персонажей, инженера Хонтээло Толло Фраэля, или Таэля: «человек, бледнее обычного тормансианина, с густой и короткой черной бородой» (Ефремов, 1970, 140). В конце 1950-х – начала 1960-х гг. ношение бороды, как отмечает Н.Б. Лебина, стало считаться стильным среди «денди хрущевского времени» (Лебина, 2015, 334). Это было связано как со стремлением приблизиться к западным стандартам внешнего облика (мода на Э. Хемингуэя), так и с популярностью таких видов отдыха, как туризм и альпинизм, а также увеличением престижа профессии геологов, часто не брившихся в экспедициях из-за обилия мошки. Достаточно вспомнить образ, созданный В.С. Высоцким в фильмах «Вертикаль» и «Короткие встречи», вышедших в 1967 г. При этом ношение бороды далеко не старыми мужчинами приобретало характер протеста, вызова сталинскому време-

ни. Впрочем, после свержения Н. С. Хрущева ношение бороды стало приобретать иное символическое значение, как обращение к русской религиозно-этнической духовности (Лебина, 2015, 335-337).

Повседневная жизнь Торманса, свойственные тормансианам хамство, грубость и невоспитанность также могли вызвать ассоциации с советской повседневностью: «Тормансиане шли по улице навстречу как попало, не придерживаясь определенной стороны. Те, кто посильнее, нарочно шли напролом, расталкивая встречных, заставляя тех шарахаться в сторону, и грубо огрызались на упреки. Везде, где проходы стесняли толпу, ... крепкие мужчины и женщины расталкивали более слабых сограждан, стараясь пройти первыми» (Ефремов, 1970, 291-292). Назойливость уличной толпы в Шанхае по отношению к иностранцам И. Ефремов отмечал в своих путевых заметках (Бойко, 2024, 203-204), но в «Часе Быка» речь идет не о назойливости, доходящей до грубости, а, напротив, о безразличии и наплевательском отношении к окружающим. О том же писал Х. Смит, в 1971 – 1974 гг. бывший заведующим московским бюро «New York Times»: «Люди врываются в магазины, толкают друг друга с мрачным, агрессивным выражением лица и не утруждают себя тем, чтобы поблагодарить человека, придержавшего за собой дверь или пропустившего их вперед. Москвичи, эти ожесточившиеся горожане, считаются особенно грубыми» (Smith, 1984, 88).

На Тормансе еда в местах общественного питания отвратительна, поскольку тормансиане, напуганные Веком Голода, стремятся

«произвести как можно больше еды из каждого продукта, добавляя туда несъедобные вещества», а работники столовых воруют (Ефремов, 1970, 303). Плохое качество еды усугубляется хамством обслуживающего персонала. Героиня Ефремова «теряла аппетит от необъяснимой неприязни женщин, раздававших пищу. В жизни Торманса любая зависимость от человека отзывалась унижительной. Тот, кого просили, издевался и куражился, прежде чем исполнить свою прямую обязанность» (Ефремов, 1970, 318). Такое же впечатление от московского общепита осталось у Михайло Михайлова, югославского публициста (впоследствии диссидента), посетившего СССР по студенческому обмену в 1964 г.: «Люди в отношениях друг с другом невероятно грубы. Сядете в ресторане за свободный стол, а официант заорёт: “Разве не видите, что вон тот там не полностью занят, что вы, ослепли!” То же самое в лавках, в автобусах, трамваях» (Михайлов, 1967, 3-4).

Ответ на вопрос, почему И. Ефремов придал миру Торманса китайский колорит и постарался приглушить черты его сходства с СССР, не так прост и однозначен. Конечно, не в последнюю очередь он поступил так для обхода цензуры. Как отмечал И.Г. Ямпольский применительно к русской литературе XIX века, говоря о произведениях В.Г. Белинского и А.К. Толстого, «в русской сатирической литературе и публицистике Китай издавна фигурировал как ширма, за которой можно было более свободно говорить о темных сторонах российской действительности» (Ямпольский, 1969, 648). Но «Час Быка» – это не памфлет против советского тоталитаризма в антимаоистской оболочке, но

более сложное произведение. И. Ефремов не мог не видеть, как те или иные тенденции развития СССР в 1920–1940-е гг. *mutatis mutandis* повторяются и воспроизводятся в КНР (индустриализация и «большой скачок», голод 1932–1933 гг. в СССР и «три года природных бедствий» 1959–1961 гг. в КНР, «большой террор» и «культурная революция»). Более того, он в целом усматривал в развитии индустриальных обществ общие авторитарные тенденции, и эти тенденции, по его мнению, состояли в стремлении к самоизоляции ради сохранения политического статус-кво (Ефремов, 1970, 106).

При этом тактика маскировки намеков на СССР отсылками к Китаю в ситуации конца 1960-х гг. в целом оправдала себя: «Час Быка» был опубликован, и не только в журналах (даже дважды), но и книгой. Путь публикации не был гладким: В. Осипов, бывший главный редактор издательства «Молодая гвардия», вспоминал, что первоначально роман был отклонен как «пародия на социализм», но директор издательства В. Ганичев объяснил помощнику М. Суслова, что в нем «описывается казарменный социализм китайского типа», что Ефремов и подтвердил в предисловии к роману (Неизвестные Стругацкие, 2009, 612). Воспоминания В. Осипова, записанные журналистами Д. Пушкарем и С. Чарным в начале 2000-х гг., содержат явные неточности и путаницу: в предисловии к роману, датированным августом 1968 г., ничего не говорится о «казарменном социализме китайского образца», зато упоминается «гангстерский фашиствующий монополизм» в США (Ефремов, 1970, 4). Все упоминания о «китайском лжесоциализме» находятся

в тексте романа (Ефремов, 1970, 80-81, 127-129, 252, 281). На аберрации памяти, почти неизбежные по прошествии более чем тридцати лет, указывает и то обстоятельство, что В. Осипов не мог точно вспомнить, к какому именно роману И. Ефремова — «Лезвию бритвы» или «Часу Быка» — относился этот инцидент... Можно лишь констатировать, что какие-то сложности при публикации «Часа Быка» имели место, и аргументация «это не мы, это китайцы» могла сыграть свою роль.

О проблемах, возникших уже после публикации романа, известно из записки Ю.В. Андропова, направленной в порядке информации в ЦК КПСС, письма И. Ефремова секретарю ЦК КПСС П. Демичеву, а также воспоминаний вдовы И. Ефремова Т. Ефремовой. В записке Ю. Андропова, датированной 28 сентября 1970 г. (т.е. после выхода книжного издания «Часа Быка», подписанного к печати 6 мая 1970 г.), И. Ефремов обвиняется в том, что он «под видом критики общественного строя на фантастической планете “Торманс” по существу клеветает на советскую действительность» (Орехова, Петров, 1994, 240-241). На секретариате ЦК КПСС, состоявшемся 12 ноября 1970 г., было решено поручить ЦК ВЛКСМ принять необходимые меры в отношении издательства «Молодая гвардия» и одноименного журнала (поскольку издательство и журнал принадлежали ЦК ВЛКСМ). В этот момент редактор издательства, по-видимому, обратился за помощью к И. Ефремову, а тот апеллировал к секретарю ЦК КПСС П. Демичеву, заявив, что одной из главных целей романа «Час Быка» была «критика маоизма, который... используя опыт коммунистиче-

ского строительства в нашей стране, искажает и выворачивает его в своих целях»: «И очень плохо для критики, если изображение будущего общества, смоделированного по маоистскому Китаю плюс гангстерскому монополистическому капитализму, она принимает за какое-то изображение нашего строя!» (Орехова, Петров, 1994, 243). Аргумент «это не мы, это китайцы» работает в полную силу. В письме к литературному критику А. Бритикову, написанному в тот же день, что и П. Демичеву — 20 ноября 1970 г. — И. Ефремов выражает обеспокоенность развитием событий вокруг издательства и журнала: «Может, и мне тут влетит заодно» (Переписка... 2016, 1224).

В конце ноября или в декабре 1970 г. И. Ефремов был приглашен к П. Демичеву. Подробности их встречи известны со слов вдовы И. Ефремова, изложенных писателем А. Измайловым (Измайлов, 1989, 179-188). Этот рассказ не обошелся без некоторых искажений: так, Т. Ефремова назвала П. Демичева министром культуры, хотя министром культуры тот стал лишь в 1974 г., а с 1961 по 1974 гг. был секретарем ЦК КПСС. И. Ефремов, по словам Т. Ефремовой, остался доволен беседой с П. Демичевым. Более того, секретарь ЦК КПСС заявил, что «Час Быка» нужно издавать миллионными тиражами, внеся, однако, определенные правки, чтобы не создавать ненужных аналогий (Измайлов, 1989, 180). Оптимистичный настрой И. Ефремова проявился и в отправленном в самом конце 1970 г. письме В. Дмитриевскому: «“Час Быка” можно смело “пропагандировать”. Нападение отведено самыми высокими инстанциями» (Переписка...,

2016, 1244). Под «высокими инстанциями» в виду, скорее всего, имелся ЦК КПСС, но радость писателя был преждевременной. Его аргументы относительно цели романа, скорее всего, вряд ли могли убедить ЦК КПСС, но, поскольку писатель демонстрировал внешнюю лояльность, его решили не трогать, поскольку в тот момент у ЦК КПСС и КГБ было достаточно хлопот с А. Солженицыным и другими писателями-диссидентами (Сергеев, 2019, 59). «Час Быка» было запрещено не только переиздавать, но и упоминать в прессе (хотя из общедоступных библиотек он, по-видимому, не изымался или изымался не из всех). Переиздан роман «Час Быка» был только в 1988 г.

В последний раз к Китаю И. Ефремов обратился в историческом романе «Таис Афинская», опубликованном в 1972 г. (впрочем, разница между научно-фантастическим и историческим нарративом не так велика, особенно если исторический романист не следует слепо за документом, а домысливает то, что могло случиться в прошлом). В одном из эпизодов, датированных примерно 327 г. до н.э., главная героиня романа, афинская гетера Таис встречается с путешественником из Страны Небес, или Срединной страны, лежащей далеко на востоке (Ефремов, 1992, 346-352). Встреча происходит в мидийском городе Экбатана, завоеванном Александром. Вымышленный персонаж романа И. Ефремова повторяет — и даже превосходит — путь, пройденный в конце II в. до н.э. (после 138 г. до н.э.) китайским сановником Чжан Цянем, посетившим ряд государств среднеазиатского региона; сведений о более ранних прямых контактах античных государств и Китая

нет. Хотя И. Ефремов не дожил до издания на русском языке полного перевода «Исторических записок» Сыма Цяня, в которых изложен рассказ о путешествии Чжан Цяня, он мог прочесть о нем в трудах Н. Бичурина (Бичурин, 1950, 147-168), Н. Кюнера (Кюннер, 1961, 60-74) или в более популярных изложениях (Хенниг, 1961, 264-279). Более того, современные исследователи не исключают того, что прямые контакты эллинистических государств и Китая могли иметь место и ранее II в. до н.э. (Гусаков, 2013), так что вымысел И. Ефремова не так уж и фантастичен. Отметим, что в описываемый И. Ефремовым период Китай переживал период политической раздробленности (Борющиеся или Сражающиеся царства). В подобной ситуации вряд ли какое-то из китайских государств стало бы отправлять на запад посольство, подобное посольству Чжан Цяня; тем не менее не выходит за рамки допустимого предположение, что подобная экспедиция могла быть предпринята по инициативе одного из правителей, движимого любопытством, или как частная инициатива. Территории, контролируемые кочевыми племенами — саками, юэчжи (кушанами) или сунну — также можно было преодолеть и в конце IV в. до н.э. при определенной удаче и благоприятном стечении обстоятельств. Важнее, как представляется, другое.

Встреча Таис с путешественником из Китая не является необходимым элементом сюжетной структуры романа и является, в сущности, вставным эпизодом. Наличие подобных эпизодов, не несущих сюжетной нагрузки, является особенностью нарративной структуры двух последних романов И. Ефремова. С какой

целью И. Ефремов вставляет в повествование сцены, не имеющие прямого отношения к сюжету, и зачем ему понадобился эпизод с вымышленным предшественником Чжан Цяня? Зачем Чойо Чагас спрашивает Фай Родис о том, кто такие мещане (Ефремов, 1970, 364), и почему Александр Великий с презрением отвергает недостойные, по его мнению, средства ведения войны (Ефремов, 1992, 214-215)? Не будучи связаны с развертыванием сюжета, эти эпизоды призваны иллюстрировать философские и социальные идеи автора, выступающего в этих случаях не только как писатель, но и как социальный мыслитель. Рассматриваемый эпизод романа «Таис Афинская», как представляется, призван еще раз показать взаимосвязь патриархата и авторитаризма, подчеркнув ущербность обоих. Услышав о том, что жители Срединной государства считают, что женское начало должно быть всегда подчинено мужскому, Таис возмутилась и заявила, что подобное государство «будет всегда на более низком уровне духовного развития», что прямо скажется и на мужчинах, поскольку «порабощение женщины неизбежно влечет за собой рождение рабских душ и у мужчин» (Ефремов, 1992, 350). Утверждение далеко не бесспорное, если вспомнить ту роль, которую в истории Китая сыграли Цы Си и Цзян Цин.

Кроме того, И. Ефремов устами одного из своих героев (выражающего, скорее всего, авторскую точку зрения) относит Китай, наряду с Египтом, Сирией, Персией, к «круговым» странам, то есть странам, закрывшимся от внешних влияний ради «сохранения своих богов, царей и обычаев». В противоположность им, Эллада,

а также Финикия — страны открытые (Ефремов, 1992, 114). Представление об открытых и закрытых обществах сближает взгляды И. Ефремова с теориями А. Бергсона (Бергсон, 1994) и К. Поппера (Поппер, 1992). В отличие от них, И. Ефремов в своей характеристике двух типов обществ — очень кратко — пишет не о наличии магических табу, сакрализованных предписаний на все случаи жизни, а о видимых и невидимых границах, ограничивающих членов закрытых обществ не только в ментальном, но и в физическом смысле мешающих их передвижению. Подобное понимание закрытости близко ефремовской концепции инферно, подробнее изложенной в «Часе Быка» (Ефремов, 1979, 105-107).

Наконец, говоря о китайском путешественнике как художественном образе, созданном И. Ефремовым, нельзя не отметить его амбивалентность. Его лицо подобно маске, глаза смотрят «зорко, остро и умно», но «с несколько неприятной пронизательностью» (Ефремов 1992, 346), а смеется он «визгливым дробным смешком» (Ефремов, 1992, 352). Он не очень симпатичен автору, но Ефремов отдает должное его выносливости и целеустремленности, стремлению к знаниям и утопическому желанию «соединить Восток с Западом вершинами мудрости того и другого» (Ефремов, 1992, 352). Амбивалентность в описании китайского путешественника отражает амбивалентное отношение И. Ефремова к китайской цивилизации в целом: наряду со злыми правителями, жестокими законами и покорным народом в ней есть искусные ремесленники и художники, астрономы и механики, врачи и архитекторы.

Восхищение культурными и научными достижениями Китая присутствует и на страницах путевых заметок И. Ефремова, написанных во время командировки в Китай в 1958 г.

Список литературы

1. Переписка Ивана Антоновича Ефремова. Авт.-сост. О. Еремина. М.: Вече, 2016.
2. Ефремов И. А. Звездные корабли. М.-Л.: Гос. изд-во детской литературы, 1953.
3. Ефремов И. А. Туманность Андромеды. М.: Молодая гвардия, 1959.
4. Ефремов И.А. Звездные корабли. Туманность Андромеды. М.: Молодая гвардия, 1965.
5. Неизвестные Стругацкие. От «Страны багровых туч» до «Трудно быть богом»: черновики, рукописи, варианты. Сост. С. Бондаренко. Донецк: Сталкер, 2005.
6. Стругацкий А.Н., Стругацкий Б. Н. Переписка. 1966 / А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. Полное собрание сочинений: В 33 т. Т.10: 1966. СПб.: Изд-во Сидорович, 2018. С. 611-695.
7. Бойко Н.В. Из записной книжки палеонтолога, писателя-фантаста И. А. Ефремова о поездке в составе делегации в Китайскую Народную Республику (8 октября — 9 ноября 1958 г.). Архивный поиск. Сборник научных статей и публикаций. Вып.7. М.: Архив РАН, 2024. С. 189-214.
8. Ефремов И.А. Лезвие бритвы / И.А. Ефремов. Собр. соч. в 5 т. Т.4. М.: Молодая гвардия, 1988.
9. Еремина О.А., Смирнов Н.Н. Иван Ефремов. М.: Молодая гвардия, 2013.
10. Ефремов И. А. Час Быка. М.: Молодая гвардия, 1970.
11. Ефремов И. А. Час Быка. Техника — молодежи. 1968. № 10. С. 8-11.
12. Тихи Г. Чо-Ойю – милость богов. М.: Физкультура и спорт, 1960.
13. Даниэль Ю. Говорит Москва / Ю. Даниэль. Свободная охота. М.: ОГИ, 2009. С.23-56.
14. Проффер К. Без купюр. М.: Изд-во АСТ: CORPUS, 2017.
15. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: В 10 т. Т.VIII. Отв. ред. Ю.М. Галенович. М.: Наука, 2017.
16. Фирсов Б.М. Разномыслие в СССР. 1940-е – 1960-е годы: история, теория и практики. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге: Европейский Дом, 2008.
17. Константинов А. Светозарный мост. <https://i-efremov.ru/publikacii/svetozarniy-most.html> (дата обращения 19.08.2025)
18. Сергеев С.А. Иван Ефремов в контексте духовных конфликтов XX в. Казань: Изд-во КНИТУ, 2019.
19. Стругацкий Б.Н. Комментарии к пройденному. СПб.: Амфора, 2003.
20. Толстой А.Н. Аэлита / А.Н. Толстой. Собр.

- соч. в 10 т. Т.3. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1958. С. 535-685.
21. Михайлов М. Лето московское 1964. Мертвый дом Достоевского и Солженицына. Франкфурт-на-Майне, 1967.
 22. Smith H. The Russians. N. Y.: Ballantine Books, 1984.
 23. Лебина Н.Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы: деструкция большого стиля: Ленинград, 1950–1960-е годы. СПб.: Крига; Победа, 2015.
 24. Ямпольский И.Г. Примечания / А.К. Толстой. Собр. соч. в 4 т. Т.1. М.: Правда, 1969. С. 601-663.
 25. Орехова Е., Петров А. Смотрели за каждым. О романах «Ивана Ефремова «Туманность Андромеды» и «Час Быка». Вопросы литературы. 1994. № 3. С. 234-247.
 26. Измайлов А. Туманность. Нева. 1990. № 5. С. 179–188.
 27. Ефремов И.А. Таис Афинская / И.А. Ефремов. Собр. соч. в 6 т. Т. 6. М.: Современный писатель, 1992.
 28. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
 29. Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Изд-во восточной литературы, 1961.
 30. Хеннинг Р. Неведомые земли. В 4 т. Т.1. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961.
 31. Гусаков В.В. О датировке первых контактов древнего Китая и античной Средней Азии. Общество и государство в Китае: Т. XLIII. Ч. 1. Редколл.: А.И. Кобзев и др. М.: ФГБУН ИВ РАН, 2013. С. 192-195.
 32. Бергсон А. Два источника морали и религии. М.: Канон, 1994.
 33. Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2 т. Т.1. Чары Платона. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.

References

1. Correspondence of Ivan Antonovich Efremov. Auth.-compiled by O. Eryomina. Moscow: Veche, 2016. (In Russ.)
2. Yefremov I. A. Stellar ships. Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo detskoj literatury, 1953. (In Russ.)
3. Yefremov I. A. Andromeda: A Space-Age Tale. Moscow: Molodaya Guardiia, 1959. (In Russ.)
4. Yefremov I. A. Stellar ships. Andromeda: A Space-Age Tale. Moscow: Molodaya Guardiia, 1965. (In Russ.)
5. Unknown Strugatskys. From «The Land of Crimson Clouds» to «Hard to Be a God»: drafts, manuscripts, versions. Comp. by S. Bondarenko. Donetsk: Stalker, 2005. (In Russ.)
6. Strugatsky A. N., Strugatsky B. N. Corre-

- spondence. 1966 / A. N. Strugatsky, B. N. Strugatsky. Complete Works: In 33 vols. Vol. 10: 1966. St. Petersburg: Sidorovich, 2018. pp. 611-695 (In Russ.)
7. Boyko N.V. From the sketchpad of paleontologist, science fiction writer I. A. Yefremov about his trip as part of a delegation to the People's Republic of China (October 8 – November 9, 1958). Archival search. Collection of scientific articles and publications. Iss. 7. Moscow: Arhiv RAN, 2024. pp. 189-214. (In Russ.)
8. Yefremov I.A. Razor's Edge / I.A. Yefremov. Coll. Works in 5 vols. Vol. 4. Moscow: Molodaya Guardiia, 1988. (In Russ.)
9. Eremina O.A., Smirnov N.N. Ivan Yefremov. Moscow: Molodaya Guardiia, 2013. (In Russ.)
10. Yefremov I. A. The Bull's Hour. Moscow: Molodaya Guardiia, 1970. (In Russ.)
11. Yefremov I. A. The Bull's Hour. Technology for the youth. 1968. No. 10. pp. 8-11. (In Russ.)
12. Tichy H. Cho Oyu: by favour of the gods. Moscow: Fizkul'tura i sport, 1960. (In Russ.)
13. Daniel Yu. Moscow Speaking / Yu. Daniel. Free Hunting. Moscow: OGI, 2009. pp. 23-56. (In Russ.)
14. Proffer C. Uncut. Moscow: Publishing House AST: CORPUS, 2017. (In Russ.)
15. History of China from Ancient Times to the Beginning of the 21st Century: In 10 Vols. Vol. VIII. Ed. Yu. M. Galenovich. Moscow: Nauka, 2017. (In Russ.)
16. Firsov B. M. Dissent in the USSR. 1940s – 1960s: history, theory and practice. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge: Evropejskij Dom, 2008. (In Russ.)
17. Konstantinov A. Light-bearing bridge. <https://i-efremov.ru/publikacii/svetozarniy-most.html> (date of access 19.08.2025) (In Russ.)
18. Sergeev S.A. Ivan Yefremov in the context of spiritual conflicts of the twentieth century. Kazan: KNITU, 2019. (In Russ.)
19. Strugatsky B.N. Comments on the covered. St. Petersburg: Amphora, 2003. (In Russ.)
20. Tolstoy A.N. Aelita / A.N. Tolstoy. Coll. Works in 10 vols. Vol. 3. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1958. pp. 535-685. (In Russ.)
21. Mikhailov M. Summer of Moscow 1964. The Dead House of Dostoevsky and Solzhenitsyn. Frankfurt am Main, 1967. (In Russ.)
22. Smith H. The Russians. New York: Ballantine Books, 1984.
23. Lebina N.B. Everyday Life in the Age of Space and Corn: Destruction of the Grand Style: Leningrad, 1950-1960s. St. Petersburg: Kri-ga; Pobeda, 2015. (In Russ.)
24. Yampolsky I.G. Notes / A.K. Tolstoy. Coll. Works in 4 Vols. Vol. 1. Moscow: Pravda, 1969. pp. 601-663. (In Russ.)

25. Orekhova E., Petrov A. They Watched Everyone. About the Novels of Ivan Yefremov «Andromeda: A Space-Age Tale» and «The Bull's Hour». Questions of Literature. 1994. No. 3. pp. 234-247. (In Russ.)
26. Izmailov A. Nebulosity. Neva. 1990. No. 5. pp. 179-188. (In Russ.)
27. Yefremov I. A. Thais of Athens / I. A. Yefremov. Coll. Works in 6 vols. Vol. 6. Moscow: Sovremennyy pisatel', 1992. (In Russ.)
28. Bichurin N. Ya. Collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times. Moscow-Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1950. (In Russ.)
29. Kyuner N. V. Chinese news about the peoples of Southern Siberia, Central Asia and the Far East. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoj literatury, 1961. (In Russ.)
30. Hennig R. Unknown Lands. In 4 vols. Vol. 1. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1961. (In Russ.)
31. Gusakov V.V. On the Dating of the First Contacts between Ancient China and Ancient Central Asia. Society and State in China: Vol. XLIII. Pt 1. Eds by A.I. Kobzev et al. Moscow: FGBUN IV RAN, 2013. pp. 192-195. (In Russ.)
32. Bergson A. Two Sources of Morality and Religion. Moscow: Canon, 1994. (In Russ.)
33. Popper K. The Open Society and Its Enemies. In 2 vols. Vol. 1. The Spell of Plato. Moscow: Phoenix, Mezhdunarodnyj fond «Kul'turnaya iniciativa», 1992. (In Russ.)

Сведения об авторах

Сергеев Сергей Алексеевич

Д-р полит. н., профессор
Кафедра политологии,
Институт социально-философских наук
и массовых коммуникаций
Казанский федеральный университет
420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлев-
ская, 35
SA Sergeev@kpfu.ru

Сергеева Зульфия Харисовна

К. с. н., доцент
Кафедра государственного, муниципаль-
ного управления и социологии
Казанский национальный исследователь-
ский технологический университет
420015, Россия, Казань, ул. К. Маркса, 68
zhsergeeva@rambler.ru

Information about the authors

Sergey A. Sergeev

DSc (Polit.), Professor
Department of Political Science
Institute of Social and Philosophical Sciences
and Mass Communications
Kazan Federal University
420008, Russia, Kazan, Kremlevskaya St., 35
SA Sergeev@kpfu.ru

Zulfiya K. Sergeeva

Cand. Sc. (Soc.), Associate Professor
Department of Public Administration and
Sociology
Kazan National Research Technological Uni-
versity

420015, Russia, Kazan, K. Marx St., 68

zhsergeeva@rambler.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.09.2025.

Одобрена после рецензирования: 02.10.2025.

Принята к публикации: 10.10.2025.

Information about the article

The article was submitted 25.09.2025

Approved after reviewing 02.10.2025

Accepted for publication 10.10.2025